

# Валерий Фокин: «Если Бог есть, почему он так устроил этот мир?»

ПОКИНЕТ ЛИ ХУДРУК АЛЕКСАНДРИНКИ  
СВОЙ ПОСТ РАДИ ВАХТАНГОВСКОГО ТЕАТРА

## ПЕРСОНАЖ

Марина ТОКАРЕВА

**Б**есстрастный, строгий, без усилий элегантный, на прославленной сцене, с возрожденной и прореженной труппой за спиной, перед полным до отказа залом, принимающий поздравления от губернатора, от премьер-министра и проч., чувствовал ли он себя триумфатором, сливался ли с моментом? Или театральное, сродни зврому, чутье среди поклонов, приветствий и всего, что следует, по неволе заставляло всякий миг ожидать: вот-вот откуда-нибудь выскунется длинный нос Николая Васильевича и неслышимо донесется: эх-хех-хе, а не занесся ли, братец?..

Занесся б, возможно, если б не опыт, не ирония, не страх, не азарт, не нетерпение, терзающие в ночи. Если б не великие тени, склонившиеся по углам театра. Между жарким августом 2002-го, когда в обшарпанном фойе под крышей Александринки начались репетиции «Ревизора», и дождливым августом 2006-го, когда по обновленному, красно-золотому театру разливается торжество, — натянута нить незримого сюжета. Будто этот день был сочинен и назначен еще тогда.

## Александринская «малина»

— Ваш приход три года назад в Александринский театр, прославленный и обетовавший, своего рода вызов судьбе?

— Себе, прежде всего. Важно было начать этот бег, это движение, понимая, что дистанция очень длинная, и ее продолжат другие.

Недаром Мейерхольда всегда тянуло в этот город, в этот театр. Дело даже не в том, что он тут работал десять лет и поставил девятнадцать спектаклей. Но вся его школа, все его открытия закладывались здесь, не случайно он даже на репетициях 30-х годов цитирует александринцев, ставит их в пример своим актерам. Не случайны три редакции «Маскарада», все его приезды, до самого последнего, трагического...

Для меня это здание тоже оказалось особенным, мне здесь сразу стало необычайно хорошо. И мне захотелось помочь театру вернуться (дерзкая, может быть, задача, но для меня крайне важная) на те позиции, которые должны быть у этой сцены.

— В вашей биографии был «Современник», Ермоловский, польские театры, японские, немецкие. Три года в Александринке открыли нечто новое?

— Я твердо знаю: мне было невероятно интересно, насыщенно

и счастливо жить эти три года. И все, что тут происходило — проблемы, трудности, все было окрашено каким-то радостным самочувствием. Я недавно прочел, как Владимир Аркадьевич Теляковский, директор Императорских театров, в 20-м году, в письме к Александру Южину, директору Малого, после жалоб на холод, голод, трудное житье вдруг написал: «...а согласитесь, какую я вам малину подсунул, пригласив на руководство Малым театром...» Я прямо захотел...

— Неужели — и впрямь «малина»?

— А как же! Руководство театром, даже помимо режиссуры, есть руководство амбициями, характерами, апломбами — клиникой разного рода, и организация всего этого в позитивную энергию — очень манкий, захватывающий процесс.

— Какого не было с Театром Ермоловым?

— Там я в основном боролся и совершил ошибки. В этих стенах все иначе, в тебя еще и опыт истории входит — через воздух, детали, отдельные сюжеты...

**Многие из сегодняшних театральных деятелей с таким удовольствием, я вижу, тусуются во властных коридорах, что, если по-честному, они бы к себе в театр вообще не ходили. Им не там — им тут, в коридорах, интереснее**

— Среди которых есть и драматические — с артистом Алексеем Девотченко, например.

— Девотченко, с моей точки зрения, уникальный артист, и потому с его «болезнью» надо вступить в отношения, договориться...

— Как в «Театральном романе»: «У нас договорчик»?

— Вот именно. Таких «договорчиков», кстати, в этом театре всегда было много. Леонид Сергеевич Вивьен, который сидел в этом кабинете до меня, был великий тактик, и с так называемыми болезнями артистов у него была куча договоров...

— Речь о Николае Симонове?

— И не только! Хотя диагноз, который регулярно ставился великому артисту, известен: «Николай сегодня сизый. Придется заменять...» А знаменитая фраза: «Спектакль продолжен быть не может!», произнесенная после того, как в «Перед заходом солнца» Симонов в самом начале попытался надеть на горничную свою шубу, которую она должна была с него снять и унести. Она снимает, а он, чуть покачиваясь, берет и — как истинный кавалер — надевает! Когда он это проделал в четвертый раз, занавес опустили, вышел Вивьен и сказал: «Спектакль продолжен быть не может. Просим зрителей

сдать билеты в кассу!» Не был, кстати, сдан ни один билет!

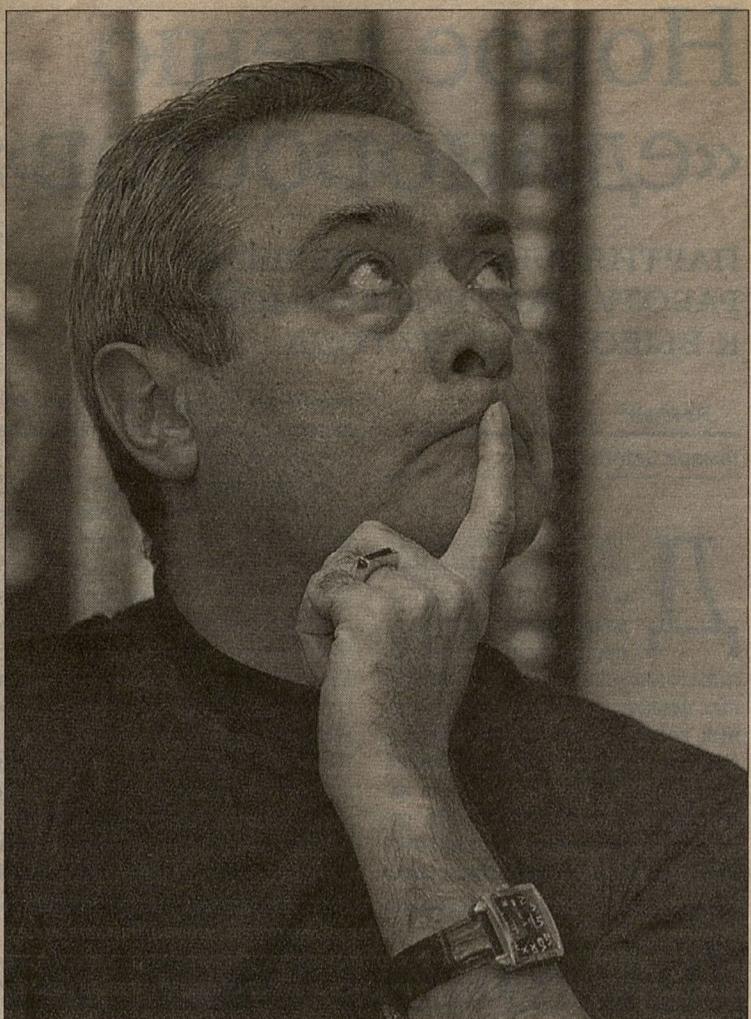
— Ваш контракт в Александринском кончается в конце 2006 года. И уже поползли упорные слухи о том, что Михаил Ульянов видит в вас своего преемника. Вы действительно намерены оставить Петербург и возглавить Вахтанговский театр?

— Михаил Александрович Ульянов, человек, которого я больше чем уважаю, меня настойчиво, не раз и не два, об этом попросил. Вахтанговский для меня родственен, как школа, со студенческих времен. И в Петербурге уже многие затаили дыхание: ждут, лелеют планы. Но все это еще не означает, что я соглашусь.

— Помните, Грушенька у Достоевского говорит: «А вот возьму ручку, да и не поцелую!..» Вообразите: придет некий деятель, вернет все на круги своя и восторжествует та самая пошлость, о которой вы столько раз пытались сказать со сцены, — только уже в жизни.

— Да я сам этого не переживу! Я не верю в театры, которыми руководят коллегии или действующие ак-

КОММЕРСАНТ



В Петербурге 11 сентября Валерий Фокин собирается объявить о своем решении

та, они куда-то пропадают, и ситуация вскоре может стать просто катастрофической.

— И на этом фоне вы готовитесь подвести итоги?

— Да какие итоги?! Сдан пока только один экзамен — театр открыт после реконструкции. Впереди — премьера Терзупулоса «Царь Эдип»,

сов. Это его выбор, к которому еще надо прийти. И чтобы прийти, надо решить главный вопрос — с Богом. Если Он есть, почему Он так устроил этот мир.

— Но это ведь не столько протовский, сколько карамазовский вопрос?

— Да, хотя этот человек, такой русский, чуть плавящий тип — в нашем спектакле его играет Сергей Паршин — немножко увалень, ничем внешне не похож на Ивана Карамазова, но решает он именно этот важнейший вопрос.

Уход — тема очень масштабная. Уверен: Толстой в этой пьесе и свой уход рассматривал, и режиссировал.

Мне хочется сделать спектакль с огромной любовью к жизни, при том, что человек хочет покончить с собой. Ведь и Толстой безумно любил эту жизнь, и мучился, и хотел уйти из нее, и страдал, и любил чувственно. Все это есть в его дневниках: ежедневная мука существования, способность взрослого человека предъявлять себе невероятный счет...

В этой пьесе вообще нет плохих людей, ни одного человека. И есть сумасшедшая любовь Протасова, Лизы и Каренина. И другая совсем любовь к Маше. И бунт там есть. И вопрос о границах свободы. И тема подполья души.

— Один неважно к вам относящийся критик как-то заметил не без раздражения, что такой, как у вас, интерес к потемкам человеческого сознания есть изнанка редкого душевного здоровья.

— Значит, этому критику, на его счастье, неведомо, что быть расколовшим внутри, и мучиться, и бороться с собой в порядке вещей для очень многих.

Протасов — изгой. Окружающие его жалеют, говорят: «Больной человек!» То есть ненормальный, сумасшедший!

Продолжение на стр. 40

# Валерий Фокин: «Если Бог есть, почему он так устроил этот мир?»

ПЕРСОНАЖ

Марина ТОКАРЕВА

Продолжение. Начало на стр. 09

Но — «сумасшедший свободен», как некогда гениально сказал Мераб Мамардашвили. «Больной» Протасов выламывается из нормы, из жизни, из круга, который предложен. Его трагический выбор — плата за свободу.

Рядом с нами, в двух шагах, Аничков дворец, в котором на балу, среди людей, по заранее обдуманному плану объявили сумасшедшем Чадаева. Отвезли в Обуховскую больницу — и все было кончено.

— Как Германа в «Пиковой даме»... Странный Пушкин на портрете у вас за спиной, то ли сердитый, то ли веселый...

— А, этот портрет — талисман театра! В начале 41-го года в театр пришел человек и принес этот портрет. И попросил — возьмите, оцените, сохраните, ведь ваш театр носит имя Пушкина. Оставил портрет и больше никогда не вернулся. Потом удалось выяснить: он был внучатым племянником художника Платонова, погиб на фронте, а портрет, говорят эксперты, скорее всего, прижизненный...

— Ленинград сравнивали с футляром от скрипки Страдивари, в котором лежит балалайка. Реконструированной Александриинке такое сравнение не грозит?

— Всегда есть опасность, что красота станет мертвым музеем, а на сцене будет править бал бездарность. У современных деятелей в ходу такая фраза: «Надо сделать процессы необратимыми». Может быть, это и возможно в политике, в экономике, но в театре любые процессы обратимы в любой момент и всегда...

## Петербургские обманы

В Петербурге Фокина встретили настороженно: он не помещался в сложившуюся картину. И чем явственней поднималась Александриинка под водительством столичного «варяга», тем менее радушным становилось отношение иных коллег. Театру жарко завидовали и прохладно аплодировали. Но Фокин, воспринимающий обстоятельства как вызов, а принцип «чем хуже, тем лучше» как адреналин, упорно вел и развивал свой роман с Петербургом.

— Оказавшись в Петербурге уже не приезжим, не гастролером, что вы в нем открыли?

— Я пока только в процессе его познания, хотя опосредованное знание и любовь к городу идут от Гоголя и Достоевского, которые меня сопровождают всю жизнь. Он уже как бы и мой.

— В Петербурге ведь растворена близкая вам идея двойничества?

— Конечно, он отражается в воде, в мокром асфальте, двоится, зеркалится, множится и обманывает.



Валерий Фокин живет сегодняшним днем — и это день репетиции

И закручивает, и затягивает, играет с тобой. Он создает ощущение миражности и притворяется не собой. Петербург — сложный город, и выражение Достоевского — «Петербург хмурится и дуется» — очень точное. Мне он интересен даже не дворцами и парками. Не фасадами, а закулисной, скрытой своей частью.

Я у академика Топорова наткнулся на поэму XIX века со странным сюжетом: на Неве удали рыбаки, из воды торчит шпиль, к нему привязана лодка. Там в глубине — город Петербург. Он мне представляется очень театральным, как будто из воды возник, вдруг раз — и вышел. Я даже сон однажды видел такой, как он весь выплыл откуда-то из глубины, с куполов, с домов стекает вода...

Искренний он или обманный — с ним все время надо быть начеку. В один из первых приездов сюда на гастроли с «Современником» мы пошли в гости, пили на Петроградской, развели мосты. И потом я пошел пешком в гостиницу «Октябрьская». Иду, белая ночь, пустой город. Вдруг я почувствовал себя, как под прожекторами в каком-то громадном искусственном театре. Мне стало страшно, я стал мгновенно трезветь. Тишина. Никого, я побежал, остановился... Это странное волнение от города помню, как сейчас...

— Вы — признанный режиссер с массой наград. А бывают ли у вас приступы растерянности, случалось вам — по Достоевскому — чувствовать себя самозванцем? Испытывать страх, что вот сейчас вас разоблачат?

— Страх у меня есть, но не страх разоблачения, а страх перед репетициями. Несмотря на то, что уже

сделано огромное количество спектаклей. Потому что мне всякий раз хочется не повторяться, быть точнее, обнаружить что-то, что я раньше не обнаруживал. Я отношусь к этому акту — репетициям — очень серьезно, и от этого испытываю волнение. Я его скрываю, понятно, но внутри оно есть. То есть потом, конечно, забываясь, когда-то случаются репетиции удачные, когда-то — менее удачные...

— В «Современнике» уже лет тридцать рассказывают историю о том, как молодой режиссер бросил в маститого артиста графин с водой, потому что тот на его репетиции читал газету... Какую атмосферу на репетиции вы считаете плодотворной — напряженную, любовную, сосредоточенную?

— Репетиция — очень интимный процесс. Это всегда кусок жизни. И как в жизни, там бывает все. Ты должен добиться откровенности — от самого себя, от артистов. А тут разные люди — как их освободить, как найти ключи? Часто ты должен достичь какого-то почти неуловимого результата: вот просто сидели, разговаривали, крутились вокруг какого-то вопроса в пьесе, смеялись... Но этот неуловимый результат очень важен, потому что из него потом складывается цепочка свободы, возникает другой мир. Это так же сложно, как сделать что-то из воздуха.

— Что вы любите в театре?

— В театре я люблю все, что касается познания себя и познания жизни через театр. Кафка говорил, что театр — микроскоп. Все, что связано с самопознанием, сочинением другого мира, — я не просто люблю — это то, для чего я живу. Все остальное — вялость, амбициозность, кабинетство, эгоистичность — я в театре ненавижу.

В юности мы с Костей Райкиным делали каждый месяц капустники в «Современнике», вся Москва съезжалась, но с тех пор много воды утекло. И когда я вижу, что люди продолжают жить капустником, оставаясь в профессии на уровне первого этажа, когда есть еще и второй, третий, шестой, меня это

и то же в них театр вроде представляют, поэтому надо делать вид...

Мейерхольд, кстати, никогда не говорил, что он работает в театре, только: «Я служу», — это было его слово, которое он подчеркивал неоднократно. Но это уходит, к сожалению, уходит...

— Мейерхольд также часто говорил о том, как важно для режиссера иметь слух на современность. Какие черты современности повышают доминируют сегодня?

— Мы сегодня, может быть, как никогда, находимся на переломе, на такой грани, когда общедоступное довлеет, когда общедоступное, ряжись в разные одежды, в том числе новаторства, общественного вызова, заманивает нового аудиторию.

Поэтому одна из самых настоящих потребностей современности — отойти от современности. Отстраниться. В ней так много разного, пошлого, пестрого, соблазнительного, пустого, но выдаваемого за что-то...

Был такой писатель Нароков, умер в Америке в 50-х годах, один его роман назывался «Мнимые величины». Сейчас время мнимых величин. Во всем. И может быть, имеет смысл чуть отъехать от всего этого, посмотреть на все со стороны...

— Но это не освобождает от задачи завоевывать ту самую новую аудиторию?

— Завоевывать аудиторию нужно, нельзя потакать ее сегодняшним вкусам; если стоять перед публикой на коленях, она нас съест. Очень многие спектакли, считающиеся сегодня «прогрессивными», опущены до той публики, которая способна платить большие деньги за билеты, и думает, это и есть настоящий театр. А это не театр. Просто другого она не знает.

— Вы мне когда-то сказали, что могли бы уйти в монастырь. Этот вариант еще рассматривается?

— Нет, поздно. К тому же я — счастливый человек, у меня есть театр, и в него можно уйти, как в монастырь.

— Театр остается главным со-блазном?

— Безусловно. Любое время человека соблазняет и растаскивает. А наше время такой веер, такой пасьянс возможностей предлагает, что сохранить во всем этом себя очень сложно.

Надо уделять много внимания сохранению инструмента — а инструмент ты сам, все, что в тебе есть... Мне свойственно желание во время репетиций, когда они получаются, признаться себе в том, что любишь и что ненавидишь в себе. И если еще удастся собрать команду, которая тебя понимает, с которой ты вместе чувствуешь нерв этого мира, тогда репетиция становится способом сочинения другой действительности, которая бывает гораздо интереснее, чем жизнь. Потому что, в конце концов, жизнь наша — она, конечно, основа, фундамент, но возможность оттолкнуться и выйти в вертикаль духовную да-ет только театр.

...одна из самых настоящих потребностей современности — отойти от современности. Отстраниться. В ней так много разного, пошлого, пестрого, соблазнительного, пустого, но выдаваемого за что-то...

раздражает...

— А что там — на втором, третьем, шестом этажах?

— Мучительный труд. Можно это не видеть, можно закрыться, но внутренне это очень серьезный труд, требующий, извините за громкое слово, самопожертвования. Иначе ничего не будет. Все остальное — суета.

— Разве необходимость ладить с властями, которая входит в задачу художественного руководителя, добиваться средств, решать вопросы — не суета?

— Само собой, власть все время тебя ограждает, притягивает. Иногда делает это с умом, иногда — грубо. Тут важно, что ты сам про это понимаешь. Многие из сегодняшних крупных театральных деятелей с таким удовольствием, я вижу, тусуются во властных коридорах, что если по-честному, они бы к себе в театр вообще не ходили. Им не там — им тут, в коридорах, интереснее.